

«УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он много раз и подолгу беседовал со мною, когда жил в Крыму, в Гаспри, я часто бывал у него, он тоже охотно посещал меня, я внимательно и любовно читал его книги, мне кажется, я имею право говорить о нем то, что думаю, пусть это будет дерзко и далеко разойдется с общим отношением к нему. Не хуже других известно мне, что нет человека более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного, да, да, во всем. Прекрасного в каком-то особом смысле, широком, неуловимом словом; в нем есть нечто, всегда возбуждавшее у меня желание кричать всем и каждому, смотрите, какой удивительный человек живет на земле! Ибо он, так сказать, всеобъемлюще и прежде всего человек — человек человечества.

Видел я его однажды так, как, может быть, никто не видел: шел к нему в Гаспру берегом моря и под именем Юсупова, на самом берегу, среди камней, заметил его маленькую, угловатую фигуру, в сером, помятом трико и скомканной шляпе. Сидит, подперев скулы руками, — между пальцев веет серебряные волосы бороды, — и смотрит вдаль, в море, а к ногам его послушно подкапываются, ластятся зеленые волнистые, как бы раскисавшие нечто себе старому ведуну. День был пестрый, по камням ползали тени облаков, и вместе с камнями старик то светел, то темнел. Камни — огромные, в трещинах, и окладены пахучими водорослями, — накатывали были сильной прибой. И он тоже показались мне древним, окоченевшим камнем, который знает все начала и цели, думает о том — когда и каков будет конец камней и трав земных, воды морской и человека и всего мира, от камня до солнца. А море — часть его души, и все вокруг — от него, из него. В задумчивой неподвижности старика почудилось нечто вечно, чародейское, углубленное во тьму под ним, пылливо ушедшее вершиной в голубую пустоту над землей, как будто

НАША ЛИТЕРАТУРНАЯ АНКЕТА

1. Какую роль сыграли произведения Льва Толстого в вашей жизни?
2. Что вы больше всего цените в творчестве этого писателя?
3. Кого из героев Толстого вы любите?

В. Парамонова, работница фабрики имени Клары Цеткин, г. Мелекесс:

1. Толстой учит глагола разбираться в людях, учит правде. После каждого его романа хочется быть с людьми проще, открытее, бережнее относиться к их сокровенным мыслям и чувствам.

2. Больше всего нравится его умение многоцветно и радостно передать красоту русской природы и живущих в этой природе людей, их внешность, их характеры.

3. Наташа Ростова. Ее нельзя не любить. Вся она канат-то искренности, светлая. Мне нравится и ее практичность, хозяйственность, и вместе с тем, доброта ее сердца, мужество, твердость, патриотизм.

3. Плотникова, врач Николаевской районной больницы:

1. С произведениями Толстого я впервые познакомилась за школьной партией. Уже тогда я мечтала стать врачом, бороться за жизнь и здоровье людей. Любовь к жизни, гимн ее красоте, которыми, как солнечным светом, пропитаны страницы этого гениального художника, — вот что тогда меня особенно поразило.

2. Громадное жизнелюбие, энергия и сила жизни, которую не в силах обуздать мертвые схемы толстовских нравоведов. Особенно ярко звучит эта нота в «Казаках», «Севастопольских рассказах» и в «Хаджи Мурате».

3. Любимый мой герой князь Андрей Болконский. В нем привлекают меня многие черты. Главное — он ищет, в чем смысл жизни. В поисках у него немало ошибок, но, оступаясь, он находит в себе силы начать все сначала.

Мне кажется, есть какая-то связь между Андреем Болконским и казаком Андришкой из повести «Казаки». Люди они разного круга, общественного положения и образования, но неграмотный казак Андришка так же, как и князь Андрей, ищет смысл жизни. В обоих, по-моему, Толстой вложил немало своего. Ведь он сам всю жизнь искал правильный путь, правильный выход. К сожалению, он так и не нашел его. Но его жизнелюбие, беспокойный, непримиримый характер нам дорог и близок.

Я. Руссков, секретарь партийной организации колхоза «Знамя коммунизма» Майского района.

1. О роли Толстого в моей жизни говорить просто трудно. Помню, поразило он меня в юности, когда впервые я открыл «Анну Каренину». А потом он как-то незаметно стал частью моей жизни. Наверное, если бы не было в мире Толстого, моя жизнь была бы гораздо беднее. Этот писатель раздвигает перед нами рамки окружающего мира.

2. Умение понять и показать душу простого человека.

3. Анну Каренину.

Дворец книги в эти дни

В связи с пятидесятилетием со дня смерти Л. Н. Толстого Дворец книги имени В. И. Ленина проводит целый цикл вечеров, выставок, бесед, оценок.

В библиотеке организована большая выставка-читальня «Лев Толстой — великий русский писатель». Она открывается так называемым «юбилейным» 90-томным изданием полного собрания сочинений писателя, начатого по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР в связи с подготовкой к празднованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого.

Литературным вечером «Лев Толстой — великий писатель земли русской» начались в большом зале Дворца книги занятия факультета литературы и драматургии университета культуры.

Подобные вечера с участием членов библиотечного совета Ф. Г. Печериной, Н. Г. Сухоруковой, С. А. Касаткиной будут проводиться на предприятиях города — на фабриках имени КИМ и имени Горького, на заводе № 8, в ремесленном училище № 2.

ГОРДОСТЬ РОССИИ

ЖИВЕТ НА ЗЕМЛЕ!

это он — его сосредоточенная воля — призывает и отталкивает волны, управляет движениями облаков и тенями, которые словно шевелят камни, будят их. И вдруг в каком-то мигнутом безумии я почувствовал, что — возможно! — встанет он, встанет руной, и море застынет, остеклится, а камни пошевелились и закричат, и все вокруг оживет, зашумит, заговорит на разные голоса о себе, о нем, против него. Не изобразить словом, что по-

чувствовал я тогда; было на душе и восторженно и жутко, а потом все слилось в счастливую мысль: «Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!»

Тогда я осторожно, чтобы галька под ногами не скрипела, ушел назад, не желая мешать его думам. А вот теперь — чувствую себя сиротой, пишу и плачу, — никогда в жизни не случалось плакать так безутешно и отчаянно, и горько. Я не знаю — любил ли его, да разве это важно — любовь к нему или ненависть? Он всегда возбуждал в душе моей ощущение и волнения огромные, фантастические; даже неприятное и враждебное, вызванное им, принимало формы, которые не подавляли, а как бы взрывая душу, расширяли ее, делали более чуткой и емкой.

Второй раз я видел его в Ясной. Был осенний мурый день, моросил дождь, а он, надев тяжелое драповое пальто и высокие кожаные ботинки — настоящие мокротуны, — повел меня гулять в береговую рощу. Молодо прыгает через канавы, лужи, отряхивает капли дождя с ресниц на голову себе и превосходно рассказывает, как Шеншин объяснял ему Шопенгауэра в этой роще. И ласковой рукою любовно гладит сыроватые, атласные стволы берез.

— Недавно прочитал где-то стихи: Гряды сошли, но крепко пахнут. В оврагах сыростью грибной... — очень хорошо, очень верно!

Вдруг под ноги нам подкатился заяц. Л. Н. подскочил, заершился весь, лицо вспыхнуло румянцем, и, отжимая старым зверобоем, как гниет. А потом — взглянул на меня с невыразимой улыбкой и засмеялся уминым, человеческим смехом. Удивительно хорош был в эту минуту!

Максим ГОРЬКИЙ
(Из очерка «Лев Толстой»).

ЛЕНИН

Пятьдесят лет назад в Париже была поздняя осень. Кружилась снежок. Продавцы газет кутались в старенькие пиджаки, поспешивали от холода и наперебой кричали простуженными голосами:

— Последние новости из России! Последние новости из России! В редакции «Социал-демократа», центрального органа РСДРП, готовили очередной номер. Уже были сверстаны все полосы, уже стояла на одной из них стрелка, начинавшийся граф передавал в самые дальние уголки земли: «Умер Лев Толстой».

В эти минуты принесли свежие петербургские и московские газеты. Коренастый, большелобый человек быстро перелистывал страницы. Мелкими колонками букв, названия, траурные рамки. И вдруг его взгляд вырвался из этой пестрой мешанины знакомое слово: «демонстрация»... В Петербурге демонстрация студентов... Протест против введения смертной казни. Но что это? Призыв «не омрачать скорбных дней», забыть о «злобах дня» и объединиться в «благотворительном порыве. Кто это пишет? А-а, кадетская «Речь». Ну тогда все понятно. Решили, значит, примазаться к великому имени.

Несколько часов назад он очолил стократ-некролог. И вот человек снова берется за перо. Да, он любит Толстого. Да, Толстой — гордость России, слава России. Но нельзя молчать, когда люди, вчера еще охваченные его, сегодня отталкивают в нем сермяжный патриотизм, раздувают до диких размеров легенду о «великом богословстве» и прощают Толстого в учителя русского народа. Нет, не у Толстого будет учиться революционная Россия. Победив, она возьмет с собой в будущее высокую правду его художественного гения и отбросит прочь все то ложное, мелкое, мешающее, что вобрала в себя нелепая формула: «Не противясь злу насильем».

Новая статья закончена и вверстана в номер. Завтра газета, выйдя на родину, и ее будут читать рабочие.

Проходят годы, проходят десятилетия, и сегодня эти строчки читают весь мир. Миллионы людей склоняются над коричневыми и синими томами, на обложках которых золотом вытиснено: «Ленин».

На заре XX века в повестку дня русской жизни была вписана революция. И недаром тогда это слово часто произносилось рядом с другим словом: «Толстой». Творчество гениального писателя было вершиной русской классической литературы. Ленинская теория революции была венцом развития общественной мысли в России. Сравнение — неправильно, но невольно. Действительно, как с точки зрения русского революционного движения оценить Льва Толстого, не понимавшего и не признававшего революцию? Какое отношение имеет Толстой к эпохе, нужен ли он вообще пролетариату? Вопросы эти ставила сама жизнь. Никто ни до, ни после — не дал на них более глубокого, чет-

Может, это подлинник?

Несколько лет назад один из моих товарищей передал мне интересный документ. Шесть листов нелинованной, помятой, выцветшей от времени бумаги. Сверху написано: «Ответ Л. Н. Толстого на постановление Синода от 20 и 22 февраля и на полученные по этому поводу письма».

В конце подписи: «Л. Толстой. 4 апреля, г. Москва».

Вполне возможно, что это какой-нибудь до-революционный список с толстовского текста. Если документ представляет собой какой-либо интерес, я готов передать его государству.

А. ИВЛИЕВ.

г. Ульяновск.

От редакции.

В списке, хранящемся у А. Ивлиева, обращает на себя внимание следующее. На одной из страниц есть исправление, носящее стилистический характер (слово «руководителями» заменено словом «пролетариатом»).

Кроме того, во многих местах текст не полностью соответствует окончательному варианту, опубликованному в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого. Сомнительно,

что неизвестный переписчик решил бы на стилистическую правку без ведома автора. Кроме того, сверка с фотокопией толстовского черновика повести «Хаджи Мурат», близкой по написанию к «Ответу», обнаруживает сходство в написании многих букв, хотя общий характер почерков различен.

Подпись в конце напоминает автограф Толстого. Так что вполне возможно, писатель имел самое непосредственное отношение к этому списку.

Л. Н. Толстой на постановлении Синода от 20 и 22 февраля и на полученных по этому поводу письмах.

Я не хотел сначала объявлять на постановлении Синода от 20 и 22 февраля и на полученных по этому поводу письмах, что это не подлинник, а только фотокопия, но, к сожалению, обнаружил, что это действительно подлинник.

Л. Н. Толстой.

Однако категорически утверждать, что это помошник специалистов трудно. Сомнение в оригинальности текста вызывает само название (Толстой не озаглавил бы его «Ответ Л. Н. Толстого») и другие частные детали.

Мы связались по телефону с Ясной Поляной. Сотрудники музея сообщили, что у одной из дочерей писателя была почерк, очень похожий на почерк отца. Они высказали также соображение, что, возможно, это один из вариантов, скопированный кем-либо из переписчиков Л. Н. Толстого с поправками, внесенными под диктовку автора. Пока еще не выяснено происхождение шести листов, на которых переписан толстовский ответ синоду. Но если даже он и окажется простым до-революционным списком, и тогда он бесспорно будет представлять большой интерес для исследователей.

На снимке: фотокопия фрагмента списка, хранящегося у А. Ивлиева.

О ТОЛСТОМ

Нетрудно убедиться, что противоречия Толстого есть, точный список с противоречий крестьянской России. Русское крестьянство на грани двух веков — это класс, стоявший на распутии. Его идеология, его сомнения и колебания, как в зеркале, отразились в творчестве и философии Толстого. Эти колебания

Проблема классического наследия — это по существу вопрос о том, что из культуры отдельных поколений, общественных формаций, эпох человечество сохраняет на века. В творчестве писателя, защищающего определенные классовые позиции, есть элементы, которые можно назвать общечеловеческими. Как соединить в одном целом два различных понятия — классовое и общечеловеческое? Плеханов, например, для решения проблемы вводит деление искусства на идеологические и психологические элементы: идеология, по его мнению, классовая, психология общества — надклассовая, «...все идеологии имеют один общий корень: психологию данной эпохи».

Ленин решает этот вопрос, опираясь на учение о взаимосвязи абсолютной и относительной истины. Так же, как каждое новое открытие (относительная истина) приближает нас на шаг к абсолютной, безграничному знанию о мире (от частной новой истины наше общее знание о мире стало полнее), так и некоторые важнейшие стороны русской революции, отраженные гением Льва Толстого, стали новым шагом в художественном развитии человечества.

«Общечеловеческие» элементы в искусстве не надклассовы. Как правило, их защищает и берет на вооружение передовой класс общества. Вот почему в эпоху пролетарских революций и строительства коммунистического общества именно рабочий класс является носителем общечеловеческих идеалов, вот почему именно он в наши дни является лучшим центелем Льва Толстого. Вот почему именно в нашем государстве, стране Октябрьской революции, стране победившей пролетариата, мировая слава великого писателя русской земли озаряет самые дальние города и села. Вот почему его книги завоевывают и будут завоевывать человеческие сердца. И первым понял и пророчески предсказал это Владимир Ильич Ленин.

К. СМЕРНОВ.

Л. Н. Толстой.

«Война и мир».

«...Да, здесь, в этом лесу был этот дуб, с которым мы были согласны, — подумал князь Андрей. — Да где он?..»

Старый дуб, весь преобретенный, раскинувшийся шатром сочной, темной зелени, мел, чуть колыхался в лучах вечернего солнца. Ни корявых палев, ни болочек, ни старого не-ловения и горького ничего не было видно... «Да, это тот самый дуб», — подумал князь Андрей... «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год», — вдруг окончательно, беспрерывно решил князь Андрей».

(Там же).

Визу: гравюра художников А. и Е. Богомоловых «Дубы в Чепелье, (Ясная Поляна)».

Старый дуб.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болычками...

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, — думал князь Андрей, — пускай другие, молодые, вновь подрастают на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь настоящая!»

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

«Война и мир».

«...Да, здесь, в этом лесу был этот дуб, с которым мы были согласны, — подумал князь Андрей. — Да где он?..»

Старый дуб, весь преобретенный, раскинувшийся шатром сочной, темной зелени, мел, чуть колыхался в лучах вечернего солнца. Ни корявых палев, ни болочек, ни старого не-ловения и горького ничего не было видно... «Да, это тот самый дуб», — подумал князь Андрей... «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год», — вдруг окончательно, беспрерывно решил князь Андрей».

(Там же).

Визу: гравюра художников А. и Е. Богомоловых «Дубы в Чепелье, (Ясная Поляна)».

Старый дуб.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болычками...

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, — думал князь Андрей, — пускай другие, молодые, вновь подрастают на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь настоящая!»

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

«Война и мир».

«...Да, здесь, в этом лесу был этот дуб, с которым мы были согласны, — подумал князь Андрей. — Да где он?..»

Старый дуб, весь преобретенный, раскинувшийся шатром сочной, темной зелени, мел, чуть колыхался в лучах вечернего солнца. Ни корявых палев, ни болочек, ни старого не-ловения и горького ничего не было видно... «Да, это тот самый дуб», — подумал князь Андрей... «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год», — вдруг окончательно, беспрерывно решил князь Андрей».

(Там же).

Визу: гравюра художников А. и Е. Богомоловых «Дубы в Чепелье, (Ясная Поляна)».

Старый дуб.

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болычками...

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, — думал князь Андрей, — пускай другие, молодые, вновь подрастают на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь настоящая!»

Л. Н. ТОЛСТОЙ.